

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КРОНШТАДТСКОГО МЯТЕЖА 1921 ГОДА

И. М. Шишкина

Основные проблемы истории Кронштадтского мятежа изучены советскими исследователями, которые рассматривают это антисоветское выступление в связи с оценкой политических и экономических трудностей, выявившихся в Советской России на рубеже 1920—1921 гг., в период перехода от войны к миру. В их работах основательно проанализирована оценка В. И. Лениным этого события, показана связь между выступлением мятежников и колебаниями мелкобуржуазной стихии в стране, дана картина продовольственных и топливных трудностей, установлена роль меньшевиков, эсеров и белогвардейцев в организации мятежа, приведены данные об изменении социального состава моряков Балтийского флота и кронштадтского гарнизона, состоянии партийной работы на флоте и в городе накануне мятежа, детально описана военная операция по разгрому мятежников¹.

Кронштадтский мятеж — одно из тех событий в истории Советского государства, которое привлекает большое внимание и зарубежных авторов. Книги и статьи, специально посвященные этой теме или затрагивающие ее в связи с изучением других вопросов истории КПСС и Советского Союза, регулярно появляются почти во всех капиталистических странах. Наибольший интерес к этой теме западная буржуазная историография проявляет в послевоенный период, особенно в 50—60-е годы, что было продиктовано обострением идеологической борьбы на международной арене. Для представителей буржуазной историогра-

---

¹ М. Рафаил. Кронштадтский мятеж (Из дневника политработника). [Харьков]. 1921; В. Громов. Во время мятежа. (Из воспоминаний участника кронштадтских событий 1921 года). «1917—1922 год в Кронштадте». Кронштадт. 1922; С. Урицкий. Красный Кронштадт во власти врагов революции. «Гражданская война 1918—1921». Т. 1. [М.]. 1928; А. Слепков. Кронштадтский мятеж (К седьмой годовщине). М.-Л. 1928; В. Кузнецов. Из воспоминаний политработника. М.-Л. 1930; М. Л. Лурье. Кронштадтский мятеж в советской и белой литературе и печати. «Красная летопись», 1931, № 2; его же. Оценка Кронштадтского мятежа в произведениях В. И. Ленина. Там же, 1931, № 3; М. Кузьмин. Кронштадтский мятеж. Популярный очерк. Л. 1931; А. С. Пухов. Кронштадтский мятеж в 1921 г. Гражданская война в очерках [Л.]. 1931; «Кронштадтский мятеж». Сборник статей, воспоминаний и документов под ред. Н. Корнатовского. Л. 1931; О. Леонидов. Ликвидация Кронштадтского мятежа. (Март 1921 г.). М. 1938; К. Жаковщikov. Разгром Кронштадтского контрреволюционного мятежа в 1921 году. Л. 1941; И. Ротин. Страница истории партии. М. 1958; К. Е. Ворошилов. Из истории подавления Кронштадтского мятежа. «Военно-исторический журнал», 1961, № 3; В. К. Путьна. Кронштадт 16—18 марта 1921 г. «Этапы большого пути». Воспоминания о гражданской войне. М. 1962; П. Е. Дыбенко. Штурм мятежного Кронштадта. Там же; С. Н. Семанов. Ленинский анализ внутренней политики Советского государства в связи с Кронштадтским мятежом. «В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти». Л. 1970; его же. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года. «Вопросы истории», 1971, № 3; его же. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года. М. 1973; И. Трифонов, О. Сувениров. Разгром Кронштадтского контрреволюционного мятежа 1921 года. «Военно-исторический журнал», 1971, № 3, и др.

фии этот сюжет служит весьма подходящим поводом для того, чтобы попытаться гальванизировать лозунги кронштадтских мятежников и использовать их в борьбе против социализма в современных условиях².

Разумеется, далеко не все работы о кронштадтских событиях представляют собой неприкрытую и вульгарную апологию мятежа. Однако тенденция трактовать их предвзято, а иногда и с откровенно антисоветских позиций присуща многим из них. Задача данной статьи состоит в том, чтобы критически проанализировать общую трактовку и оценку кронштадтских событий 1921 г. в буржуазной историографии на основе главным образом работ, вышедших в США и Англии, поскольку именно они «задают тон» в изучении этого вопроса на Западе. Кроме того, западногерманская литература этой проблемы уже частично рассматривалась в советской литературе³.

К настоящему времени в Англии, Франции, Италии и США опубликовано немалое количество книг и статей, специально посвященных истории Кронштадтского мятежа⁴. Этому событию уделено большое внимание и в ряде общих работ по истории СССР и КПСС, которые широко распространены на Западе и в какой-то мере формируют основные тенденции интерпретации этого вопроса буржуазной историографией и учебной литературой⁵. Значительная часть всей этой продукции, главным образом работы, опубликованные в 30—40-х годах, не представляет интереса, так как написана либо эмигрантами, прямо заинтересованными в истолковании кронштадтских событий в соответствии с их собственными политическими взглядами, либо содержит прямую апологику мятежников, лишенную сколько-нибудь серьезной аргументации. Сочинения о Кронштадтском мятеже, появившиеся на Западе за последние два десятилетия, до некоторой степени свободны от такой прямолинейной тенденциозности и основаны на более широком круге источников. Это не означает, что все работы этого времени равноценны по степени аргументации и добросовестности их авторов при освещении и оценке данных событий. Все они могут быть разделены на две части:

² Типична в этом отношении книга американского автора Е. Петрова-Скитальца «Кронштадтский тезис для свободного русского правительства», которая, не представляя какого-либо интереса с точки зрения разработки истории вопроса, лишь пропагандирует взгляды лидеров антисоветского мятежа. (E. Petrov-Skitaletz. The Kronstadt Thesis for a Free Russian Government. «All Power to the Soviet-but to Free, Democratic-socialist non-Communist-dominated Soviets». N. Y. 1964). Этой же цели посвящена статья П. Е. Ньюелла «Кронштадтское восстание», опубликованная в английском еженедельнике «Социалистический лидер» и приуроченная к 50-летию мятежа (P. E. Newell. The Kronstadt Rebellion: Fifty Years ago this Week. «Socialist Leader». L. Vol. LXIII, № 9, 1971, February 27).

³ См. А. З. Ваксер и Л. Ф. Скляр о в. Против извращения классово-борьбы в СССР при переходе к нэпу. «Критика новейшей буржуазной историографии». М.-Л. 1961, стр. 83—112.

⁴ A. Berkman. The Kronstadt Rebellion. B. 1922; e jus d. The Bolshevik Myth. N. Y. 1925; e jus d. Der Aufstand von Kronstadt. «Der Monat», Hf. 30. B. 1951; A. Cilliga. The Kronstadt Revolt. L. 1942; I. Mett. La Commune de Kronstadt. Crépuscule sanglant des Soviets. P. 1949; e jus d. La rivolta di Kronstadt. (Il nuovo della marina nella rivoluzione russa). Pagine inedite de Storia sovietica. Milano. 1962; R. V. Daniels. The Kronstadt Revolt of 1921: a Study in the Dynamics of Revolution. «The American Slavic and East European Review», vol. X, 1951, № 4 (December); Voline (V. M. Eichenbaum). The Unknown Revolution (Kronstadt 1921, Ukraine 1918—1921). L. 1955; G. Katkov. The Kronstadt Rising). «Soviet Affairs». L. 1959, № 2; E. Pollack. The Kronstadt Rebellion. (The First Armed Revolt against the Soviets». N. Y. 1959; H. Alexander. The Kronstadt Revolt of 1921 and Stefan Petrichenko. «Ukrainian Quarterly», XXIII, Autumn 1967; P. Avrich. Kronstadt 1921. Princeton—N. Y. 1970, a. o.

⁵ E. H. Carr. The Bolshevik Revolution, 1917—1923. Vol. II. L. 1952; F. Schuman. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. N. Y. 1957; J. Lawrence. A History of Russia. N. Y. 1960; R. V. Daniels. The Conscience of the Revolution. Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge. 1965; G. Stern. Fifty Years of Communism. L. 1967; P. Avrich. The Russian Anarchists. Princeton—New Jersey. Princeton University Press. 1967; I. Mett. Le paysan Russe dans la Revolution et la post-revolution. P. 1968, a. o.

большинство из них откровенно антисоветские, меньшинство — объективистские.

Подавляющее большинство буржуазных авторов рассматривает Кронштадтский мятеж либо как «народную революцию», либо как широкое восстание масс против Советской власти. Книга Б. М. Волина так и называется «Неизвестная революция». Мятеж охарактеризован в ней как «стихийное, народное, аполитичное, социальное и истинно революционное движение масс»⁶. Е. Поллак изображает действия мятежников в качестве «организованной попытки русского народа сопротивляться деспотическому правлению»⁷. Иная точка зрения на кронштадтские события развивалась Э. Карром, который считал их выражением недовольства мелкобуржуазных слоев и прежде всего крестьянства⁸. Это вызвало возражение английского историка Дж. Каткова, который также полагает, что это событие было не чем иным, как «конфликтом между коммунистическим правительством и революционными массами»⁹. Для буржуазной историографии, следовательно, весьма характерна попытка представить Кронштадтский мятеж как расплывчатое по социальной природе массовое народное движение, затушевывая его классовую сущность. При этом большинство авторов даже не пытается анализировать социальный состав мятежников. Вместо этого «общенародный» и «революционный» характер мятежа многие из них стараются подтвердить путем совершенно несостоятельного отождествления кронштадтских моряков февраля — марта 1921 г. с балтийскими революционными матросами периода Октябрьской революции. Книги по истории КПСС и СССР, выходящие на Западе, пестрят высказываниями, что в Кронштадте восстали против Советской власти «именем самой Октябрьской революции» «моряки Красного флота», «краса и гордость революции», «красные герои Октябрьского восстания», «элита революции» и т. д.¹⁰.

Как же было в действительности? В. И. Ленин при анализе событий в Кронштадте придавал самое серьезное значение тяжелому экономическому положению страны ко времени окончания гражданской войны, характеризовавшемуся разрухой промышленности, частичным деклассированием пролетариата, упадком крестьянского хозяйства, недовольством деревни продразверсткой. В мятеже он видел одно из политических проявлений «экономических неурядиц и несоответствий». Наиболее болезненно, по его мнению, экономические трудности на рубеже 1920—1921 гг. воспринимало крестьянство. Поэтому он неоднократно подчеркивал, что в кронштадтских событиях самым характерным отражением экономических трудностей были колебания мелкобуржуазной, по преимуществу крестьянской, стихии¹¹. В работах советских историков детально рассмотрен вопрос о социальном составе населения, флота и гарнизона Кронштадта к началу мятежа. Многие наиболее активные и закаленные участники революции ушли на фронты гражданской войны, были выдвинуты на партийную и советскую работу. Только за 1918—1920 гг. с кораблей флота ушло более 40 тыс. человек, в том числе лучшие политработники и командиры¹². Почти 80% личного состава Балтийского флота к началу 1921 г. были выходцами из крестьян. Другие авторы пишут о еще более высоком проценте (до 90%) крестьян-середняков в составе флотских и других частей кронштадтского гарни-

⁶ Voline. Op. cit., pp. 2, 45.

⁷ E. Pollack. Op. cit., pp. 32, 81.

⁸ E. H. Carr. Op. cit., p. 271.

⁹ G. Katkov. Op. cit., p. 12.

¹⁰ R. V. Daniels. The Conscience of the Revolution..., p. 143; F. Schuman, Op. cit., p. 130; J. Lawrence. Op. cit., p. 268; E. Pollack. Op. cit., p. 11.

¹¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 237, 367, 370, 387.

¹² И. Трифонов, О. Сувениров. Указ. соч., стр. 89.

зона. До 10 тыс. его военнослужащих прибыли из мест, где активно действовали врангелевские и деникинские части¹³. В 1918 г. новое пополнение моряков Балтийского флота набиралось специальной организацией — бюро по найму, причем желающему служить на флоте достаточно было только подать заявление и подписать договор о службе¹⁴. Такой порядок, естественно, не способствовал привлечению на флот наиболее сознательной и преданной делу революции части рабочего класса и крестьянства. В Балтийском флоте, и в Кронштадте в частности, за 1918—1920 гг. значительно увеличилось число мелкобуржуазных элементов из городских слоев населения. На флот пришли бывшие гимназисты, реалисты, деклассированные элементы, привлеченные сравнительно высоким продовольственным пайком и другими материальными льготами, которыми пользовались моряки военно-морского флота. Кроме того, за годы фактического бездействия флота произошли качественные изменения и в психологии личного состава многих старослужащих матросов. В целом уже к 1920 г. на первый план во флотской массе выдвигается фигура так называемого «кleshника» — крикуна, лодыря, демагога, не имевшего ничего общего с героем Октября 1917 года¹⁵.

Таким образом, не подлежит сомнению, что состав кронштадтских моряков в начале 1921 г. определялся главным образом выходцами из мелкобуржуазных слоев населения и преимущественно из крестьянской среды. Поэтому эти так называемые «революционный народ» и «красные моряки» Кронштадта в 1921 г. представляли собой аморфную массу, настроения которой в громадной степени формировались под влиянием той мелкобуржуазной среды, из которой они вышли и с которой были тесно связаны.

Следует отметить, что не все буржуазные историки обходят вопрос об изменениях социального состава моряков и гарнизона Кронштадта в 1921 году. Однако многие из них, признавая эти факты, считают их значительно преувеличенными советскими авторами или «неубедительными статистически» и полагают, что эти изменения не позволяют сделать выводы, что кронштадтские моряки 1921 г. перестали быть «красной и гордостью революции». Но эти упреки в адрес советской историографии ничем серьезно не обоснованы и базируются лишь на голословных предположениях¹⁶. Другие, например, П. Аврих, не подвергают сомнению данные советских историков. В своей недавно опубликованной книге о Кронштадтском мятеже он пишет, что «в 1921 г. три четверти моряков были крестьянского происхождения, что составляло более высокий процент, чем в 1917 году, когда петроградские рабочие составляли большинство». Однако и этот автор, стоящий на позиции оценки мятежа с точки зрения своей концепции «вечно бунтарского духа» против «насилия власти центрального правительства» как наиболее характерного для исконного стихийного анархизма кронштадтцев, не видит серьезных оснований для противопоставления моряков 1917 и 1921 годов¹⁷.

Игнорирование или недооценка западными историками мелкобуржуазной подоплеки Кронштадтского мятежа логически приводит к искажению вопроса о руководстве этим движением. Английский историк И. Дейчер без каких-либо доказательств утверждает, что «восставшие

¹³ «Очерки истории Ленинградской организации КПСС». Ч. II. Ноябрь 1917—1945. Л. 1968, стр. 164—165.

¹⁴ А. С. Пухов. Кронштадт и Балтийский флот перед мятежом. «Красная летопись», 1930, № 6(39), стр. 155.

¹⁵ Подробнее см.: С. Н. Семанов. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года, стр. 67—68 (здесь и далее ссылки даны на книгу).

¹⁶ См. R. V. Daniels. The Kronstadt Revolt of 1921..., p. 242; G. Katkov. Op. cit., p. 21.

¹⁷ P. Avrich. Kronstadt 1921, p. 89—90.

моряки Красного флота были руководимы анархистами»¹⁸. Однако большинство других буржуазных авторов не разделяет такой точки зрения. Так, П. Аврих отмечает, что анархисты не имели никакого отношения к мятежу и не принимали участия в его подготовке. Вместе с тем он, как выше отмечалось, склонен считать, что в нем проявился «дух анархизма», присущий и кронштадтским событиям 1917 г., который не мог полностью исчезнуть ко времени мятежа¹⁹. Английский историк Дж. Катков оценивает политические идеи мятежников как самобытные, независимые от внешнего влияния, от партийных доктрин. Он считает, что программа и тактика мятежников были свободны от «руководства со стороны профессиональных политиков и интеллектуалов»²⁰. Его аргументация, по существу, сводится лишь к тому, что среди восставших не было ни видных идеологов анархизма, ни лидеров меньшевистской или эсеровской партий, хотя для любого добросовестного исследователя очевидно, что для идейного оформления платформ мятежников вовсе не обязательно, чтобы лидеры политических партий принимали непосредственное участие в событиях. Такой же примерно точки зрения придерживается американский историк Е. Поллак. Он считает, что трудно подтвердить или отрицать физическое присутствие в Кронштадте эсеров, меньшевиков, белогвардейцев или людей, которые симпатизировали им больше, чем коммунистам, хотя в то же время полагает, что, «если бы восстание было успешным, они (мятежники.— И. Ш.) могли бы обратиться к партии эсеров за политическим руководством»²¹. Таким образом, налицо явная тенденция ряда буржуазных авторов не только затушевывать классовую природу Кронштадтского мятежа, но и представить его как самобытное, внепартийное движение.

В. И. Ленин еще в апреле 1921 г. в брошюре «О продовольственном налоге» специально останавливался на вопросе о внешне беспартийном характере выступления мятежников. За ним он разглядел знакомые лозунги эсеров и меньшевиков. «Весенние события 1921 года показали еще раз роль эсеров и меньшевиков: они помогают колеблющейся мелкобуржуазной стихии отшатнуться от большевиков, совершить «передвижку власти» в пользу капиталистов и помещиков. *Меньшевики и эсеры научились теперь перекрашиваться в «беспартийных»*. Это доказано вполне»²², — писал В. И. Ленин. Особенно подробно некоторые из этих «беспартийных» взглядов, являвшихся на деле эсерово-меньшевистскими лозунгами, В. И. Ленин рассматривал в связи с оценкой тезисов кронштадтцев «Власть Советам, а не партиям», «Свобода торговли»²³.

В самом деле, достаточно ознакомиться с документами мятежников, в которых отражены эти и другие их положения (резолюция собрания 1-й и 2-й бригад линкоров Балтфлота, принятая митингом на Якорной площади 1 марта 1921 г.; «Обращение к железнодорожникам»; различные обращения к трудящимся Кронштадта и Петрограда; редакционные статьи «Известий временного революционного комитета», «Документы практической деятельности ревкома»), чтобы убедиться, что политические требования, содержащиеся в них, представляют собой эклектическую мешанину воззрений мелкобуржуазных политических партий. Так, некоторые основные политические пункты «программы» мятежников (о перевыборах Советов тайным голосованием с предварительным разрешением свободной агитации среди рабочих и крестьян, свобода слова

¹⁸ I. Deutscher. The Prophet Armed. Trotsky. 1879—1921. L. 1954, p. 510.

¹⁹ P. Avrich. The Russian Anarchists, p. 229.

²⁰ G. Katkov. Op. cit., pp. 42, 70.

²¹ E. Pollack. Op. cit., pp. 72, 74.

²² В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 241.

²³ Подробнее см.: С. Н. Семанов. Ленинский анализ внутренней политики Советского государства в связи с Кронштадтским мятежом, стр. 277—279.

и печати для анархистов и левых социалистических партий, критика национализации промышленности, из-за которой «рабочий стал работником казенных предприятий» и т. д.)²⁴ вполне соответствовали меньшевистским установкам периода гражданской войны. Именно меньшевики, как поздней и лидеры мятежников, выступали против всех чрезвычайных органов, необходимых в условиях гражданской войны. «Критика» национализации и требование ее частичной отмены были изложены меньшевиками в платформе «Что делать?» еще в июле 1919 года²⁵.

Некоторые экономические положения мятежников (снятие ограбительных отрядов, свобода непосредственного товарооборота между городом и деревней, устранение государственных органов от его осуществления, ликвидация монополии внешней торговли, предоставление крестьянам ведения хозяйства по их усмотрению и т. д.)²⁶, по существу, ничем не отличались от эсеровских лозунгов и требований того периода. Поэтому нет никаких оснований говорить о какой-либо самобытности, внепартийности установок лидеров контрреволюционного, антисоветского мятежа в Кронштадте, как это делают некоторые буржуазные авторы. К тому же при всей сложности выявления партийной принадлежности всех членов «ревкома» один из его руководителей, В. Вальк, несомненно, был меньшевиком²⁷. Сходство между взглядами мятежников и некоторыми положениями меньшевиков и эсеров признал и автор последней крупной буржуазной работы о Кронштадте 1921 г.— П. Аврих²⁸.

Другим широко распространенным тезисом буржуазной историографии, относящимся к вопросу о руководстве Кронштадтским мятежом, является почти полное отрицание какой-либо роли белогвардейских элементов в этом движении. При этом многие из буржуазных историков особенно активно выступают против так называемой «белогвардейской версии» мятежа. По мнению И. Дейчера, констатация в официальных заявлениях Советского правительства и в работах советских историков факта участия в Кронштадтском мятеже генерала А. Н. Козловского и других бывших офицеров объясняется тем, что «привыкшие к белогвардейским генералам во время гражданской войны, большевики и тут объявили, что Кронштадтский мятеж — дело рук белогвардейских генералов»²⁹. Другие авторы (Р. Дэниелс, Дж. Катков, Волин), также считающие полным абсурдом утверждение о какой-либо роли белогвардейских элементов в руководстве мятежом, утверждают, что «белогвардейская версия» понадобилась Советскому правительству для того, чтобы обмануть массы³⁰. Наиболее пространно этот тезис развивает Е. Поллак. На страницах своей книги «Кронштадтское восстание» он, кроме того, неоднократно подчеркивает, что генерал Козловский, перешедший на сторону мятежников, был «старым, хилым, больным человеком, без последователей и влияния»³¹.

Как же в действительности обстояло дело с участием белогвардейских элементов в Кронштадтском мятеже? Следует отметить, что ни В. И. Ленин, ни позднейшие советские исследователи не считали, что белогвардейские элементы были главными руководителями движения. На X съезде РКП(б) В. И. Ленин указывал лишь, что восстание выде-

²⁴ См. «Правда о Кронштадте». Прага. 1921, стр. 46—47.

²⁵ Подробнее см.: Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М. 1968, стр. 307—308.

²⁶ См. А. С. Пухов. Кронштадт во власти врагов революции (Кронштадтский мятеж в 1921 году, программа и тактика мятежников). «Красная летопись», 1931, № 1(40), стр. 46—47.

²⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 480.

²⁸ P. Avrich. Kronstadt 1921, p. 167.

²⁹ I. Deutscher. Op. cit., p. 511.

³⁰ G. Katkov. Op. cit., pp. 6—37; Voline. Op. cit., p. 44; R. V. Daniels. The Kronstadt Revolt of 1921, p. 248.

³¹ E. Pollack. Op. cit., pp. 18, 27, 67.

лило нам «знакомую фигуру белогвардейских генералов»³². Несколько позднее, характеризуя кронштадтские события главным образом с точки зрения колебаний мелкобуржуазной стихии³³, он специально отметил, что это не означало, будто белогвардейские элементы вовсе не принимали никакого участия в мятеже. В апреле 1921 г. В. И. Ленин писал, что «белогвардейские военспецы в Кронштадте, ряд спецов, а не один Козловский, разрабатывают план десанта в Ораниенбаум, план, испугавший колеблющуюся меньшевистски-эсеровски-беспартийную массу»³⁴.

И действительно, советскими авторами давно установлено, что бывшие офицеры А. Козловский, А. Бурксер, В. Ширмановский, П. Красняков и др. приняли самое активное участие в выборах делегатов для перевыборов Кронштадтского Совета с целью устранения из его состава коммунистов. Из них был сформирован штаб внешней и внутренней обороны мятежников во главе с генералом А. Козловским, капитаном Е. Соловьяновым и подполковником Б. Арканниковым, которые разработали планы обороны города и крепости и принимали меры по их реализации. Они настаивали, в частности, на активных наступательных действиях против советских войск в направлении Ораниенбаума. Наконец, почти все заседания ревкома происходили при участии белогвардейских военспецов, которые по тактическим соображениям формально не входили в состав временного революционного комитета, дабы показать, что этот орган является истинно народным³⁵. Все эти факты, как правило, игнорируемые в книгах вышеперечисленных буржуазных авторов, признаются лишь немногими из них, теми, кто основывается на изучении как зарубежных, так и советских источников. Как пишет П. Аврих, «из имеющихся источников видно, что Козловский и его коллеги действительно сыграли роль в событиях марта 1921 года. Большинство военспецов, по-видимому, отдали себя в распоряжение мятежников, оказывая им помощь техническими советами. 2 марта Козловский сказал большевикам: «Ваше время прошло. Теперь я буду делать то, что нужно». И далее П. Аврих показывает, как бывшие офицеры планировали развитие военных операций во время мятежа»³⁶.

Не соглашаясь с анализом кронштадтских событий в работах советских авторов, где они характеризуются как проявление недовольства мелкобуржуазных слоев населения и главным образом крестьянства, и, по существу, отрицая участие в них белогвардейских элементов, некоторые буржуазные историки выдвигают новую, на этот раз совершенно неожиданную, «пролетарскую» или даже «коммунистическую» версию движущих сил мятежа. Уже в 1950 г. ярый антисоветчик И. Дейчер писал, что в Кронштадтском мятеже приняли участие «разочарованные большевики и меньшевики»³⁷. С тех пор этот тезис в различных вариантах регулярно появлялся в сочинениях буржуазных авторов. Е. Поллак считает, что «восставшие были местными коммунистами»³⁸. Еще дальше идет Е. Лайонс, утверждающий, что инициаторами мятежа выступили не больше и не меньше, как сам Кронштадтский Совет и Кронштадтская организация РКП(б)³⁹.

³² В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 23.

³³ Там же, стр. 237.

³⁴ Там же, стр. 238.

³⁵ Подробнее см.: А. С. Пухов. Кронштадт во власти врагов революции, стр. 23—26, 36—38, 41; С. Н. Семанов. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года, стр. 87—88.

³⁶ P. Avrich. Kronstadt 1921, pp. 99—101.

³⁷ I. Deutscher. Soviet Trade Unions. Their Place in Soviet Labour Policy. L.-N. Y. 1950, p. 53.

³⁸ E. Pollack. Op. cit. Introduction.

³⁹ E. Lyons. Workers' Paradise Lost. Fifty Years of Soviet Communism: a Balance Sheet. N. Y. 1967, p. 42.

Наибольшее развитие эта версия получила у Р. Дэниелса. Он пишет: «Кронштадт был движением разочарованных революционеров, охваченных тем же самым недовольством, что и ультралевые коммунисты, которые внешне должны были соблюдать партийную лояльность и дисциплину»⁴⁰. При этом необходимо отметить, что под ультралевыми коммунистами Р. Дэниелс понимает прежде всего представителей так называемой «рабочей оппозиции»⁴¹. В поддержку своего тезиса Р. Дэниелс, как и некоторые другие буржуазные авторы⁴², приводит достаточно известный факт выступления в поддержку мятежников группы отщепенцев, организовавших «Временное бюро Кронштадтской организации РКП» (без «б») в составе Я. Ильина, Ф. Первушина и А. Кабанова. Кроме того, некоторые буржуазные историки пытаются возвести и самих мятежников в ранг внутрипартийной оппозиции в рядах РКП(б).

Однако попытки представить антисоветское выступление в Кронштадте как опирающееся на серьезную или даже массовую поддержку коммунистов либо даже как разновидность внутрипартийной оппозиции в РКП(б) есть не что иное, как искажение подлинно исторических событий. Буржуазные ученые игнорируют тот факт, что те немногочисленные «разочарованные революционеры», которые проявили колебания в период кронштадтских событий, были в основном молодыми членами партии, принятыми в ее ряды буквально накануне мятежа. К началу мятежа от 80 до 90% членов партии Кронштадта и флота составляли те, кто вступил в нее в течение партийной недели осенью 1919 года⁴³. К тому же многие из них вышли из крестьянской среды.

Кроме того, в писаниях буржуазных авторов нередко обходится молчанием и серьезное ослабление политической работы среди членов партии, вызванное тем, что руководство Политического управления Балтийского флота и командование Балтфлотом во главе с Ф. Ф. Раскольниковым сосредоточили все свои усилия на поддержке платформы Троцкого во время профсоюзной дискуссии в партии и распространении троцкистских взглядов среди коммунистов. Естественно, что это обстоятельство оказало влияние на партийные организации города и воинских частей, снизило их политическую активность во время кронштадтских событий.

Лицо так называемого «Временного бюро Кронштадтской организации РКП», создание которого используется как довод в пользу «коммунистической» версии движения, определяли прежде всего недавние выходцы из среды буржуазной или мещанской интеллигенции, и степень его влияния была невелика. Его появление стало возможным только после ареста всех видных руководителей Кронштадтской организации РКП(б) и ухода наиболее активной части коммунистов из города. Этот орган был использован «ревкомом» для дезориентации беспартийной массы и части молодых коммунистов, оставшихся в Кронштадте⁴⁴.

Число членов РКП(б), в той или иной форме оказавших поддержку мятежникам, никак не позволяет сделать вывод о массовом разочаровании коммунистов в политике партии и о переходе их на платформу, выработанную руководителями мятежа. Данные о перерегистрации членов Кронштадтской организации РКП(б), проведенной непосредственно после событий, свидетельствуют о том, что большинство ее членов остались верными делу партии и не поддержали контрреволюционеров. Из 1116 членов Кронштадтской организации РКП(б) 734 человека бы-

⁴⁰ R. V. Daniels. *The Conscience of the Revolution*, p. 143.

⁴¹ *Ibid.*, p. 138.

⁴² См. Е. Поллак. *Op. cit.*, pp. 30—31.

⁴³ С. Н. Семанов. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года, стр. 66.

⁴⁴ М. Кузьмин. Указ. соч., стр. 47—48, 62; А. С. Пухов. Кронштадт во власти врагов революции, стр. 71—75.

ли оставлены в рядах партии, а исключено из партии за то или иное участие в мятеже, пассивность, неисполнение обязанностей всего 211 человек⁴⁵, то есть менее 19% состава организации. Более того, значительная часть наиболее активных коммунистов Кронштадта (из состава ВЧК, Ревтрибунала, партийной школы и ряда других организаций) в ночь на 3 марта с оружием в руках ушла по льду в Ораниенбаум и затем приняла участие в борьбе с мятежниками⁴⁶. Хотя многие активные коммунисты Кронштадта (около 150 человек) были арестованы в ночь со 2-го на 3 марта и заключены в трюмы «Петропавловска», превращенного в плавающую тюрьму, а в следственную тюрьму было брошено более 300 партийцев, оставшиеся на свободе коммунисты включились в подпольную работу. В течение всего мятежа, согласно материалам тройки по перерегистрации Кронштадтской организации РКП(б), 135 коммунистов вели подпольную работу среди рядовых моряков, установили связь с действующими против мятежников частями Красной Армии, подавали световые сигналы, передали в Петроград ряд ценных сведений о положении в лагере мятежников⁴⁷. Эта работа коммунистов встревожила даже «ревком», который 13 марта издал специальный приказ о расправе без суда и следствия при обнаружении попыток давать световые сигналы частям Красной Армии. 15 марта «ревком» вынес постановление расстрелять 23 человека из наиболее активных и ответственных членов партии, находящихся под стражей⁴⁸.

Большинство буржуазных историков пытаются представить Кронштадтский мятеж как стихийное движение, лишённое какой-либо организационной подготовки. По мнению некоторых из них, в частности, Р. Дэниелса, даже после ареста нескольких видных коммунистов на собрании делегатов частей и кораблей 2 марта 1921 г. еще отнюдь не было ясно, что движение было восстанием против Советской власти⁴⁹. Это же подчеркивает и Е. Поллак, утверждая, что «конференция 2 марта не имела помыслов о восстании». Он также считает, что только «после этих двух тирад (имеются в виду выступления Н. Н. Кузьмина и П. Д. Васильева. — *И. Ш.*) делегаты не могли больше надеяться достигнуть понимания с коммунистическими представителями»⁵⁰.

При этом они, по существу, отрицают и всякую подготовку мятежа до 2 марта со стороны его будущих «вождей». Однако, как показывают исследования советских историков, еще 28 февраля на «Петропавловске» состоялось собрание команды бригады линейных кораблей, фактически ставшее сходкой всех мятежных элементов из различных частей крепости. Собрание вели будущие руководители мятежа С. Петриченко, П. Перепелкин, и на нем обсуждалась резолюция, которая легла в основу принятого позднее, утром 1 марта 1921 г. на новом собрании на «Петропавловске», основного документа мятежников. В тот же день, в 2 часа, на Якорной площади состоялся общий митинг моряков и гарнизона крепости, которому и была предложена выработанная заранее «программа» мятежа. Этот митинг также был организован руководителями мятежа, разославшими телефонограммы по частям и кораблям Петроградской морской базы с приглашением принять в нем участие⁵¹.

⁴⁵ «Сборник материалов Петроградского комитета РКП». Вып. 3. 1921, стр. 32.

⁴⁶ В. Громов. Указ. соч., стр. 48—52; «Кронштадтский мятеж». Сборник статей, воспоминаний и документов, стр. 31; С. Н. Семанов. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года, стр. 86.

⁴⁷ К. Жаковщиков. Указ. соч., стр. 48—49; А. С. Пухов. Кронштадт во власти врагов революции, стр. 75—77.

⁴⁸ А. С. Пухов. Кронштадт во власти врагов революции, стр. 76, 79.

⁴⁹ R. V. Daniels. The Kronstadt Revolt of 1921, p. 246.

⁵⁰ E. Pollack. Op. cit., pp. 24, 25.

⁵¹ А. С. Пухов. Кронштадт во власти врагов революции, стр. 9—10, 32; К. Жаковщиков. Указ. соч., стр. 42; С. Н. Семанов. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года, стр. 29—30.

Следовательно, началом мятежа, по мнению советских авторов, нужно считать 1 марта 1921 г., и он явился не стихийной реакцией на выступление председателя Кронштадтского Совета П. Д. Васильева и комиссара Балтфлота Н. Н. Кузьмина 2 марта в Доме просвещения, где власть уже формально захватил «ревком» во главе с С. Петриченко, а был подготовлен и, по существу, находился к этому времени уже в самом разгаре. Доказательством того, что мятеж в Кронштадте готовился заранее и начался, во всяком случае, ранее 2 марта 1921 г., служат и воспоминания В. Анисимова — коммуниста одного из фортов Кронштадта. Он указывает, что был арестован накануне мятежа вместе с командиром и комиссаром форта. Во всяком случае, о приезде М. И. Калинина в Кронштадт и его выступлении на Якорной площади 1 марта 1921 г. он узнал, уже будучи под арестом⁵².

Попытки некоторых зарубежных историков подтвердить тезис о «стихийности» и отсутствии всякой подготовки мятежа выглядят также более чем странными. Дж. Катков, в частности, отвергает подлинность телефонограммы за подписью одного из будущих руководителей мятежа, В. Яковенко, направленной вечером 1 марта 1921 г. во все части Балтийского флота и крепости, в которой говорилось, что в Кронштадте «партия коммунистов удалена от власти и управляет Временный революционный комитет». Эта телефонограмма приведена со ссылкой на архив советским историком А. С. Пуховым, который показывает также, в какое время она была получена в фортах, частях и на кораблях⁵³. Подлинность этой телефонограммы ставится Катковым под сомнение лишь на том основании, что она не упомянута в каких-либо документах, опубликованных на Западе, или каким-либо «автором из числа восставших»⁵⁴. По-видимому, признание таких фактов, как создание «Временного ревкома» на «Петропавловске» в его первоначальном составе уже 1 марта и рассылка упомянутой телефонограммы не нужно Дж. Каткову только потому, что они опровергают его концепцию об отсутствии всякой организационной подготовки мятежа и его чисто стихийном характере.

Новые и весьма любопытные данные по вопросу о характере Кронштадтского мятежа приводит П. Аврих. Выявленные им документы не позволяют начисто отрицать всякую подготовку этого антисоветского выступления. В частности, в его книге использован документ из русского архива Колумбийского университета («Докладная записка по вопросу об организации восстания в Кронштадте» под грифом «совершенно секретно»), относящийся к январю — началу февраля 1921 года. В нем намечается детальный план действий на случай замышляемого восстания в Кронштадте; указано, что оно должно начаться весной 1921 года. По мнению П. Авриха, автором документа является профессор Г. Ф. Цейдлер, бывший директор Петроградского Красного Креста, находившийся на положении эмигранта в Выборге и тесно связанный с антисоветским эмигрантским Национальным центром со штаб-квартирой в Париже, которому он между прочим посылал донесения о продовольственном положении Кронштадта и Петрограда. Приводя ряд других сведений о внимательном наблюдении Национального центра за событиями в Кронштадте в первые недели 1921 г., П. Аврих, хотя и считает сомнительным претворение именно этого плана в жизнь мятежниками и отмечает отсутствие всяких данных о связи Национального центра с ними, тем не менее вынужден при всей противоречивости в изложении этого вопроса признать вероятность предварительной подготовки мятежа еще до начала событий в Кронштадте. «Во всяком случае, не вызывает сомнения,

⁵² ЛПА, ф. 4000, оп. 6, ед. хр. 283, л. 6.

⁵³ А. С. Пухов. Кронштадт во власти врагов революции, стр. 16—17, 32.

⁵⁴ G. K a t k o v. Op. cit., pp. 28—29.

что планы оказания поддержки ожидаемому мятежу в Кронштадте готовились внутри Национального центра,— пишет автор и далее продолжает: — В конце концов, ясно, что центр намеревался использовать мятеж в своих целях... но были ли предварительно в действительности установлены связи с матросами, которые подняли мятеж? Вполне вероятно, что уже до восстания существовала организованная группа будущих мятежников». «Кроме того, можно предположить, что Петриченко и его соучастники являлись той самой «тесно спаянной группой», на которую секретный меморандум возлагал свои надежды, и даже возможно, что к ним приходили агенты Национального центра в январе или феврале 1921 года». «Имеются неопровержимые доказательства, что революционный комитет вошел в соглашение с центром после подавления мятежа и после того, как некоторые его члены нашли прибежище в Финляндии, и нельзя исключить возможности существования давнишних связей»⁵⁵.

В целом, если даже учесть, что эти предположения П. Аврих ставит под сомнение, говоря об отсутствии фактов о связях мятежников с Национальным центром, о естественности в каждом восстании «агитаторов» и руководителей, наличие которых может и не означать его предварительной подготовки и т. д., приведенные нами данные советской историографии о действиях мятежников 28 февраля—1 марта 1921 г. неопровержимо свидетельствуют о целенаправленной организации выступления его главарями. Поспешность же в организации мятежа объяснялась, по всей вероятности, стремлением использовать благоприятную обстановку, возникшую в связи с «волынками» в Петрограде в феврале 1921 года.

Большинство буржуазных историков тенденциозно рассматривают и вопрос о подавлении Кронштадтского мятежа. Опираясь на свою оценку его как выступления «разочарованных революционеров», Р. Дэниелс бездоказательно утверждает, что Советское правительство не могло рассчитывать на рядовых коммунистов вследствие их ненадежности. Поэтому, по его описанию, оно вынуждено было использовать при подавлении мятежа главным образом чекистов, курсантов и делегатов X съезда РКП (б)⁵⁶. Е. Поллак также считает, что мятеж подавляли «толпа чекистов, курсанты, соединения слушателей военных академий и специально организованные подразделения коммунистов»⁵⁷. Им вторит Волин, который полагает, что мятеж подавляла «элита коммунистических войск», и договаривается до того, что против кронштадтцев были посланы мифические отряды «китайцев и башкир»⁵⁸. При этом в работах названных буржуазных авторов, в том числе П. Нэвелла⁵⁹, нет даже упоминания того факта, что моряки и красноармейцы кронштадтских фортов «Краснофлотский» и «Передовой» не только не поддержали мятежников, но и выступили против них. В резолюции, единодушно принятой частями гарнизона форта «Краснофлотский», говорилось, что гарнизон по пути, «по которому пошли кронштадтские матросы, не пойдет»⁶⁰. Столь же безрезультатными были попытки мятежников склонить на свою сторону гарнизоны Ораниенбаума и некоторых других военных частей, расположенных вблизи Кронштадта⁶¹.

Как же в действительности был ликвидирован Кронштадтский мятеж? Прежде всего следует отметить, что главную роль в его подавлении

⁵⁵ P. Avrich. *Kronstadt 1921*, pp. 105—112.

⁵⁶ R. V. Daniels. *The Kronstadt Revolt*, p. 248; e. j. u. s. d. *The Conscience of the Revolution*, p. 145.

⁵⁷ E. Pollack. *Op. cit.*, pp. 37—39.

⁵⁸ Voline. *Op. cit.*, pp. 62, 64.

⁵⁹ P. E. Newell. *Op. cit.*, p. 3.

⁶⁰ М. Арсеньев. *Форт Краснофлотский*. Л. 1926, стр. 74.

⁶¹ С. Н. Семанов. *Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года*, стр. 95—97.

нии сыграли не «чекисты» и «курсанты», а регулярные части Красной Армии, в частности южная группа войск, наступавших на Кронштадт, которая, по существу, решила исход сражения. Эта группа состояла из реорганизованной 7-й армии Западного фронта под командованием М. Н. Тухачевского в составе 32-й, 167-й, 187-й бригад; 27-й Омской дивизии в составе 79-й, 80-й бригад и кавалерийского полка⁶². Именно эти части первыми ворвались в город и обеспечили быструю ликвидацию мятежа⁶³.

Всячески раздувая вопрос о «ненадежности» рядовых коммунистов, красноармейцев и привлечении к участию в подавлении мятежа делегатов X съезда партии, курсантов и отрядов особого назначения, буржуазные авторы обходят ряд обстоятельств, которые заставили Советское правительство прибегнуть к этим чрезвычайным мерам. Ими замалчиваются такие факторы, как демобилизационные настроения среди бойцов Красной Армии, вызванные длительным участием в сражениях на фронтах гражданской войны. Эти историки полностью игнорируют вопрос об исключительной трудности задачи взятия первойклассной и прекрасно вооруженной крепости. Кроме того, военная операция по взятию Кронштадта была сильно осложнена тем, что войскам приходилось идти по льду без всякого прикрытия, под огнем артиллерии и кораблей флота, находившихся в руках мятежников. Наконец, чрезвычайные меры, принятые Советским правительством по мобилизации всех сил на скорейшую ликвидацию мятежа, объяснялись необходимостью в самый кратчайший срок покончить с мятежом. Медлить было нельзя. Финский залив мог вскрыться, после чего взятие крепости было бы еще более трудным делом. В результате этого Кронштадт на длительное время смог бы оставаться плацдармом для контрреволюции, связанным благодаря своему географическому положению с капиталистическим миром.

Наконец, для буржуазной историографии весьма характерным является стремление либо совершенно обходить вопрос о международной обстановке, связанной с кронштадтскими событиями, либо толковать его весьма односторонне. Так, Е. Поллак спешит сообщить читателю, что мятежники отказались от услуг, предложенных заграничными эсерами во главе с В. Черновым, а Волин даже упрекает Советское правительство за «дружбу с империалистами» (имеются в виду договоры РСФСР с Англией, Польшей и другими государствами, заключенные в 1921 г.) и ставит ему в пример кронштадтцев, которые «не изменяли пролетарским принципам»⁶⁴. На деле же международные события вокруг мятежа отнюдь не дают повода отмахиваться от них или сводить их к отдельным ничему не значащим замечаниям.

Хотя великие державы Запада в этот период не оказали прямой помощи мятежникам, это отнюдь не означает, что события в Советской России не играли никакой роли в их политических расчетах. Достаточно отметить, что Кронштадтский мятеж привел к затягиванию подписания торгово-политического соглашения между Советской Россией и Германией с февраля до мая 1921 года. Правительство Германии пошло на подписание договора, лишь убедившись в бесплодности делать ставку на эту «третью революцию»⁶⁵. Примечательна и позиция английского правительства в связи с Кронштадтским мятежом. В телеграмме британскому посланнику в Гельсингфорсе, направленной лордом Керзоном в марте 1921 г., сообщалось, что «правительство его величества не наме-

⁶² См. К. Е. Ворошилов. Указ. соч., стр. 23.

⁶³ Подробнее о ликвидации Кронштадтского мятежа см.: И. Трифонов, О. Сувениров. Указ. соч., стр. 88—94; см. также воспоминания бывшего комиссара 27-й Омской дивизии В. А. Петрова: ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 3093, лл. 10, 12.

⁶⁴ E. Pollack. Op. cit., pp. 35, 72, 74; Voline. Op. cit., pp. 55, 70—71.

⁶⁵ G. Hilger, A. Mayer. The Incompatible Allies. A Memoir-History of German-Soviet Relations 1918—1941. N. Y. 1953, p. 66.

рено само вмешиваться в любой способ помощи революционерам». Однако далее Керзон добавлял, что это не означает, что следует рекомендовать придерживаться той же политики и правительству Финляндии или предостерегать его от оказания помощи кронштадтцам через частные общества и частных лиц⁶⁶. Намек достаточно ясен.

В результате не только правительство Финляндии предоставило на своей территории возможность эсеровской заграничной эмиграции начать сосредоточение средств и продовольствия для помощи мятежникам. Через посредство чехословацкого министерства иностранных дел, его посольств в Вашингтоне и Париже была развернута бурная деятельность по сбору денежных средств, подготовке крупной партии продовольствия для переброски его в Кронштадт, по получению необходимых виз для отправки эсеровских агентов в пограничные с Советской Россией страны⁶⁷. Мятеж вызвал ликование эмигрантских организаций всех политических направлений, пытавшихся активной пропагандистской кампанией в западной печати и сбором средств всячески поддержать это антисоветское выступление⁶⁸. И вся эта помощь, собранная эсеровскими и другими эмигрантскими заграничными организациями при содействии правящих кругов ряда капиталистических государств, не достигла адресата не вследствие «принципиальности» кронштадтских мятежников или строгого соблюдения нейтралитета западными державами, а только потому, что мятеж был ликвидирован в предельно короткий срок.

Таким образом, если говорить об общих работах буржуазных авторов, сколько-нибудь подробно затрагивающих историю Кронштадтского мятежа 1921 г., или о специальных исследованиях, прямо посвященных этой теме, можно констатировать, что для большинства из них характерно крайне тенденциозное, а зачастую и искаженное толкование этих событий.

Несостоятельность современной советологии в оценке Кронштадтского мятежа есть прямой результат применения большинством буржуазных авторов порочных в своей основе методов исторического исследования. Суммируя эти их, так сказать, «методологические приемы», можно констатировать, что преобладающим приемом советологов является односторонний подбор источников, преимущественно исходящих из лагеря противников Советской власти, тогда как советские материалы и исследования либо почти полностью игнорируются, либо подвергаются сомнению. Кронштадтские события, как правило, рассматриваются в отрыве от их социально-экономической почвы. А раз игнорируются экономические и социальные корни мятежа, его трактовка неизбежно сводится к совершенно бесперспективной с научной точки зрения «политизации» и одностороннему освещению фактов, к поискам лежащих на поверхности поводов вместо выяснения подлинных причин. В итоге отрицается или затушевывается классовая основа движения, оно подается как спонтанное и стихийное выступление масс. Советологи не желают замечать в нем влияние или руководство, лозунги и программные установки определенных партий и общественных групп. Естественно, что при такой «методике» изучения Кронштадтского мятежа буржуазная историография остается на почве чисто субъективной оценки этого события.

⁶⁶ «Documents of British Foreign Policy 1919—1939». First Series. Vol. XI. L. 1961, p. 742.

⁶⁷ См. «Работа эсеров за границей». По материалам Парижского архива эсеров. М. 1922, стр. 14, 22—23, 62—63.

⁶⁸ Подробнее см.: С. Н. Семанов. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года, стр. 130—131.